

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

1885.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

PRINTED IN RUSSIA

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. Н. Веселовскій. Генварскія русалки и готскія игры въ Византіи	1
С. П. Тимоосевъ. Сказанія о Куликовской битвѣ (окончаніе)	19
А. И. Бурничиниковъ. Что мы знаемъ достовернаго о личныхъ бо- жествахъ славянъ	47
А. С. Ланно-Данилевскій. Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Осодоровича	66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. С. Дестунисъ. Историческія разысканія Оп. Ламбра	107
М. А. Липинскій. Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива мини- стерства юстиціи. Д. М. Мейсина. М. 1883	122
А. И. Соболевскій. Матеріалы до русской литературы апокрифич- ной. О. М. Калитоская. Л. 1884	157
А. М. Оксеновъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1082—1882 г.). Н. В. Щелова. И. 1883	161
— Наша учебная литература (разборъ 11 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: I. О.-Петербургскій практиче- скій технологическій институтъ въ 1884 году	1
II. Александровская гимназія въ Корочѣ	12

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. А. Счастливцевъ. О дательномъ падежѣ множественнаго числа въ греческомъ языкѣ	417
Д. Ф. Вѣляевъ. Возвращеніе Еврипида на сценови и состоянія, внутрен- нюю и внѣшнюю политику Аѳинъ	459

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Н. А. Любимовъ. Декартъ. Разсужденіе о методѣ дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины	91
---	----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1 сентября).

ГЕНВАРСКІЯ РУСАЛІИ И ГОТСКІЯ ИГРЫ ВЪ ВИЗАНТІИ.

Наименованіе „русалий“¹⁾ встрѣчается впервые въ толкованіи Вальсамона (конца XII в.) на 62-й канонъ Трулльскаго собора, какъ названіе древняго праздника, odbyваемаго въ деревняхъ по пасхѣ: τὰ λεγόμενα Ρουσαλία τὰ μετὰ τὸ ἅγιον Πάσχα ὑπὸ κακῆς συνηθείας ἐν ταῖς ἕξω χώραις γινόμενα. По сообщенію Димитрія Хоматіана, епископа Ахридскаго (XIII в. нач.), русалии (Ρουσαλία) праздновались въ недѣлю по пятидесятницѣ жителями Молисской темы²⁾: σύνταγμα γίνεσθαι νεωτέρων καὶ τὰς κατὰ χώραν κώμας αὐτοῦς περιέρχεσθαι καὶ παιγνίους τισὶ καὶ ὀρχήμασι καὶ βεβακχευμένοις ἄλμασι καὶ σκηνικαῖς ἀσχημοσύναις ἐγκαλεῖσθαι, δῶρα παρὰ τῶν ἐνοικούντων εἰς κέρδος αὐτῶν. Лрантинъ ('Аравантинός, Χρονογραφία τῆς Ἰπείρου, τ. II, р. 191) такъ описываетъ русалии въ эфирской Паргѣ: τὴν καλουμένην ἑορτὴν Ῥοζαλίαν ἢ Ῥουσαλία, διαρκούσαν ἀπὸ τῆς α' μέχρι τῆς η' Μαΐου, ὅτε ὁ λαὸς ἐκλέγων πολίτην τινὰ ὡς ἀρχηγὸν εὐθύμει διαφόρων κωμικῶν σκηνῶν μεταξὺ δὲ τούτων ἐκρόται καὶ πλάστην τινα μάχην, σχηματιζομένων δύο στρατιωτικῶν σωμάτων, τοῦ μὲν χριστιανικοῦ, τοῦ δὲ ὀθωμανικοῦ ἀρχηγουμένου ὑπὸ πλαστοῦ Πασοῦ, ὅστις συναλαμβάνετο αἰχμάλωτος μετὰ τὴν γενομένην ἐν τῇ τελευταίᾳ ἡμέρᾳ τῆς ἑορτῆς ψευδομάχην· ἐν τῷ μεταξὺ δὲ τῶν ὀκτὼ ἡμερῶν οἱ Ῥουσαλιῶται Πάργιοι εἰσέπραττον τὸ τελωνιακὸν δικαίωμα παντὸς ἐμπορεύματος εἰσαγωγῆς ἢ ἐξαγωγῆς, καὶ τὸ ἐφήρμοζον εἰς

¹⁾ О нихъ см. Miklosich, Die Rusalien, *Sitzungsber. d. Wien. Ak.* 46 B. 1864, p. 386—405; Tomaschek, Ueber Brumalia u. Rosalia, *ib.* 60 B. 1868, p. 369 sqq.

²⁾ Въ мѣсѣ Размыскаліяхъ, вып. IV, гл. VII, стр. 206 напечатано ошибочно: Молисской. О положеніи Молиски см. Tomaschek, *l. c.* p. 372, 373.

δαπάνην τῶν ἐν τῇ πανηγύρει γενομένων ἐντροφίσεων καὶ προπαρασκευῶν¹⁾.
 Воображаемая борьба христіанъ съ османами не что иное, какъ новая перелицевка стараго драматическаго пренія между лѣтомъ и зимою, которую представляетъ паша, поступающійся въ концѣ распри своей свободой и жизнью, замѣчаетъ Томашекъ¹⁾.

Съ празднованіемъ въ Паргѣ необходимо сблизить тотъ же обрядъ, совершаемый въ албанскихъ колоніяхъ Калабріи въ первые три дня Пасхи²⁾. Старое названіе праздника, *gusalet* = русалия, теперь полузабытое, уступило мѣсто другому: *pielzit* или *veschiarelli*. Главная роль въ обрядѣ принадлежитъ парнямъ, одѣтымъ въ военный костюмъ восточнаго стиля, и женщинамъ, которыя, сплетаясь руками, исполняютъ древній народный танецъ (*vala*), двигаясь по улицамъ, заходя и въ дома. Тѣ и другія пляшутъ подѣ звуки пѣсень, исполняемыхъ антифонически, старыхъ воинственныхъ пѣсень, восходящихъ къ XV вѣку, къ памяти о подвигахъ Свандербега, Константина и др. Группой юношей, *pielzit*, руководить старикъ, не рѣженный, толпой женщинъ—юноша; къ нимъ присоединяются еще рѣженные, съ лицами, вымазанными мѣломъ, мукой или сажой, одѣтые въ возли шкуры, съ колокольцами и погремушками у пояса; въ рукахъ у нихъ разнаго рода кухонная утварь, руки замазаны сажой: прохожіе испытываютъ то и другое на себѣ и не сердятся на злыя шутки и прибаутки, столь же традиціонныя въ этомъ обрядѣ, какъ и музыкальный инструментъ, родъ свирѣли, сдѣланной изъ коры фиговаго дерева; подѣ звуки этой свирѣли медленно движутся *pielzit*, прежде чѣмъ пуститься въ пляску. Періодъ *gusalet* открывается въ полночь съ великой субботы на Христовъ день, когда по греческому обычаю колоколъ возвѣститъ о Христовомъ воскресеніи. И вотъ, въ то время, какъ съ одной стороны, группы набожныхъ поютъ подѣ окнами слышнхъ „Христовъ воскресе!“ (*Χριστός ἀνέστη*), другіе пляшутъ по деревнѣ, приглашая повеселиться: „Сегодня, красавица, воскресенье, Христово воскресенье. Проснитесь же, юноши, и пойте, проснитесь, дѣвушки, и начинайте плясать! Кто не успѣлъ принарядиться въ

¹⁾ l. c. p. 371.

²⁾ О нихъ см. мою замѣтку: Новости по изученію италянскои литературы, *Ж. М. Н. Пр.* 1884 г., июль, стр. 436—437. См. *De Rade*, *Rapsodie d'un poëme albanese*, raccolte nelle colonie del Napoletano, p. 91: отрывокъ русальскихъ пѣсень (*Canti delle Russalle*); обрядъ, совершавшійся на Пасхѣ, сохранился лишь въ деревнѣ Casal-Nuovo, въ Валиккѣ.

праздничное платье, пусть остается дома спать¹. Во вторник вечеромъ праздникъ кончается грустною пѣсней: „На будущій годъ, объ это время, одни изъ насъ еще будутъ въ живыхъ, другихъ не будетъ; но хоть и малые числомъ, мы не посраимъ нашихъ товарищей“.

Тамъ, гдѣ до сихъ поръ удержалось имя и празднество русалій, онѣ обыкновенно являются приуроченными къ Духову и Троицному днямъ¹). Такъ у румынъ: *rusalo, rusáli* = *pentecôte; mauvaises fêtes*²); у албанцевъ: *rsciâl, rsciâl* = *pentecoste* (им. *ršali*); въ церков.-слав. языкѣ: на русалию = *εἰς τὴν ἁγίαν πεντηχοστήν* (гомилія Іоанна пресвитера экзарха, по сербск.-слав. рукописи XIII в.), на русалияхъ, въ сѣботѣ русалнѣ (Сав. книга 130, 131, 147); у сербовъ: *rusalje, rusalji* = *pentecoste* (Ragusa, Bocche di Cattaro); у словинцевъ: *risale* = *pentecoste*; *risalček, risalšček, risalšćak* = *maius mensis*; у чеховъ: *rusadla, rusadlé* = *pentecoste*; у словаковъ: *rusadljé, rusadla* = то же; въ Муранскомъ статутѣ 1585 года упоминаются: *rusadly, rusadelné svátky*, съ тѣмъ же значеніемъ и характеристикой: *neporiádné tance, obzvlášťe na rusadelné svátky podle starého obyčaje krále staveti etc.* (Světozor, 1855. 44). То же въ актахъ Щитницкаго евангелическаго собора 1591 года: на *rusadlnie sviatky podle starjeho obyčaje králow staweti, tance wywázeti, do starje kozuchy se obláčeti i gaktkolwék se blázniti pod štraffanjm zakazáno bude*³). — Обычай выбирать „*rusaadelného kráľa*“ сохранялся еще до прошлаго столѣтія у восточныхъ словаковъ (Gemér, Spiš, Šariš) и мадяровъ: „*Bartholomaeides v diele: Notitia Comitatus Gömörjensis, str. 443, pripomina, že tu mládež každej obce vyvolila zpomedzi sebä najhodsieho za kráľa a k boku jeho celú súdobnú osobnosť: prisazných i snad kata ešte a hajdúchov. Skutočnosť sprava obce a moc stutočného richtára v nej akoby na tento deň zotretá bola bývala, tak súdil i riadil i trestat' dal tento rusadelný kráľ so svojými prisaznými všetko, a všetko mu aj poslušné bolo*⁴). Русалиямъ восточныхъ словаковъ от-

¹) Большая часть относящихся сюда указаний собраны уже Миклошичемъ, I. с., и помѣны въ: *Christliche Terminologie der slavischen Sprachen* (Wien, 1875), стр. 25—26. Къ этимъ работамъ я и обращаю читателей.

²) *Cihas, Dict. d'étymologie Dacoromane. Eléments slaves, magyars etc. a. v. rusálii.*

³) *Asanaceset, Повѣ. возвр. III, 143.*

⁴) *Sbornik slovenských národních piesni, povestí etc. vydáva Matica Slovenska, Sväzok I (1870) стр. 197—198.*

вѣчалю у западныхъ названіе Turise; Миклошичъ съ большою вѣроятностію объясняетъ его изъ турпей маски, которая могла фигурировать въ этомъ обрядѣ, какъ турица въ дубровницкой маслянцѣ ¹⁾. Ср. галицкія турицы, праздновавшіяся въ началѣ мая, отвѣчая великорусскому семику ²⁾, и проводы весны въ Саратовской губерніи (30-го іюня): чучело лошади носятъ взадъ и впередъ по лугу въ сопровожденіи огромной толпы ³⁾, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи въ заговѣнне передъ Петровками нѣсколько человекъ, накрывшись парусомъ, представляютъ изъ себя лошадей, при чемъ передній держитъ передъ собою лошадиный черенъ. Эта обрядовая маска зовется русалкой ⁴⁾—и возвращаетъ пасъ къ имени русалии. Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спасскѣ рязанскомъ называется русальнымъ заговѣннемъ. На другой день, то-есть, въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ готовятъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее русалку; потомъ собираютъ хороводъ, затягиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны—наступательную и обронительную; послѣдняя состоитъ изъ защитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаютъ пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разрываніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводили русалокъ ⁵⁾.

Эти русскія игры интересны своимъ совпаденіемъ съ слѣдующею словянскою; разница лишь въ томъ, что первая относится къ проводамъ весны, вторая—къ ея встрѣчѣ. Ob pustu, ko je ze led zginił z rečic in potokov, vodijo Slovenci kraj Ščavnice Ruso. Stortijo pa tako-le. Dva mladenca svoja hrbta kup obrneta, ter se pripogneta. Eden vzeme metlo v roke, drugi pa drog, na kterega obesi star pisker. Tretji mladenec pokrije z beloe rjuho pripognene mladeniča. Pisker predstavlja glavo, metla pa rep.

¹⁾ См. мои Разысканія VII, p. 128.

²⁾ *Ź. Pauli*, Pieśni ludu polskiego w Galicyi, p. 15.

³⁾ *Ефименко*, О Яриль, p. 86—87; *Сазаровъ*, Сказанія Русск. Нар. VII, 42.

⁴⁾ *Аванасевъ*, Повѣ. возвр. III, 164.

⁵⁾ *Аванасевъ*, l. c. III, 150.

Cela šema ima po takem podobščino konjsko. Mladenic to šemo po vasi goni in poje:

Belo Ruso vodimo,
Konjem srečo prosimo,
Zobi je ne dajemo,
Z meglo jo napajamo.

Kedar prizene Ruso do potoka, vrzeta mladeniča, ktera sta predstavljala podobščino konjsko, pisker in metla v potok, in vsi triji zapojejo:

Smo Ruso v vodo stirali,
Konjem srečo sprosil;
Zdaj bomo pa pobirali,
Da bomo težko nosili.

Pri vsakem hramu dobijo kakšen dar, postavim jajec, klobas, sira ¹⁾).

Руса, отвѣчаетъ, очевидно, не только по маскѣ, но и по имени—Русалкѣ русскаго обряда, и я полагаю, что то же имя сохранилось, искаженное, въ Солохъ-русалкѣ, которую водятъ въ Гомельскомъ уѣздѣ (Могилевской губ.) въ заключеніи обрядоваго „гуганья весны“ ²⁾).

Вернемся къ обзорѣнїю русалій.

У Болгаръ: Русали=Духовъ день; въ церковь приносятъ русалию и, во время чтенія молитвъ, каждый кладетъ ее себѣ подъ колѣни ³⁾); „отъ Спасов-день начнѣтъ да празднувать самовилски-тѣ праздници—Русалия“⁴⁾); „недѣля передъ Сошествіемъ Святаго Духа извѣстна подъ именемъ Русалици (Широтск.окр.). Въ старое время въ теченіи всей этой недѣли играли „оро“ (хороводъ) въ честь Русалии. До сихъ поръ въ нѣсколькихъ селахъ Кюстендильскаго округа празднуется „сборъ“ (храмовой праздникъ) „Руса недѣля“; онъ приходится въ среду Русальной недѣли, а четвергъ этой недѣли извѣстенъ подъ именемъ „вѣртоломъ“. Въ этотъ день женщины, у которыхъ есть дѣти, не работаютъ, тогда какъ всѣ другіе исполняютъ обычную работу. Въ теченіе этой недѣли существовалъ въ окрестностяхъ Бѣлой-Паланки такой обычай: восемь дѣвушекъ отправлялись славить по до-

¹⁾ *Rajak*, Črtice iz dnevnega žitka Štajerskih Slovencev (V Ljubljani 1884), стр. 212.

²⁾ *Шейн*, Вѣлорусскій сборникъ, стр. 125.

³⁾ *Кравеоловъ*, Пам. нар. быта болгаръ, р. 231; сл. стр. 222 прим.: Русалия—растеніе, которое не цвѣтетъ, но имѣетъ пріятный запахъ, съ пустыми стволонъ, вышнвою съ полсажени; о немъ ходятъ разныя преданія.

⁴⁾ *Чолаковъ*, Българскими народенъ сборникъ р. 39.

мамъ; кого найдуть въ домѣ, тому цѣлуютъ руку, и поютъ пѣсни (съ тѣмъ или другимъ пожеланіемъ); поютъ по очереди четыре дѣвушки¹⁾.

На нѣкоторые русскіе русальскіе обычаи мы уже указали выше. Въ Россіи недѣля Святыхъ Отецъ и слѣдующая за нею Пятидесятницы назывались: Русальной, зеленою, либо клещальной (вѣтки, которыми украшаются дома въ Троицынъ день, зовутся въ Малороссіи „клячанне“), или семикомъ. Семикъ, собственно, четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ; въ Вологодской губерніи онъ называется „русалкой“ (Областной Словарь, 193; сл. роусальки=русалии въ Номоканонѣ по рукописи XVII вѣка, у Миклошича, Die Rusalten, p. 6: плесалии... творещихъ или роусальки), „русалчин или мавскій Великдень“, „русали“ (малор.), тогда какъ литовск. sekmīnes (=семикъ) означаетъ праздникъ Пятидесятницы = церковно-слав. роусалига. Особенность семика — поминовеніе (и погребеніе) умершихъ на убогихъ домахъ, скудельницахъ и жальникахъ, простирается и на весь окружающій его праздничный циклъ: во вторникъ передъ семикомъ въ Великороссіи совершаются задушницы; на могилахъ поминаютъ покойниковъ, оставили разбитыя янца; говорятъ, что въ этотъ день покойники бродятъ по могиламъ и дерутся съ русалками; въ субботу послѣ семика (клячальная суббота, великор. малор.; родители троицкіе, великор.) совершается поминовеніе умершихъ въ Болгаріи, какъ и въ Россіи; вспомнимъ нареканія Стоглава, кн. 41, вопросъ 23²⁾: противъ плясокъ и скоморошскихъ пѣсень на жальникахъ въ Троицкую субботу. Стоглавъ не говоритъ по этому поводу о русальяхъ, но это названіе разумѣется само собою: въ малорусскомъ повѣрьи русалки преимущественно утопленницы и дѣти, родившіяся живыми и умершія некрещеными; но это лишь обособленіе болѣе общаго понятія, выраженнаго въ названіи русалокъ: малор. мавками (то-есть, павками), майками (у карпатскихъ бойковъ); навья педѣли = недѣля Пятидесятницы; сл. малор. обозначеніе семика: русалчин или мавскій великдень.

Къ этому можно присоединить еще слѣдующее: по малорусскому повѣрью, гдѣ-то за моремъ живутъ рахманы; они не имѣютъ собственного счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ пасъ скорлупа пасхальнаго яйца.

¹⁾ Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества. Вып. I, стр. 11 слѣд. |

²⁾ Разысканія, VII, стр. 207—208.

Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, „крашанокъ“, которыя доплываютъ къ рахманамъ на Преполовеніе, и рахманы тогда только празднуютъ пасху, „рахманьскій великдень“¹⁾). Иначе: вмѣсто рахмановъ, называютъ блаженный народъ навъ; скорлупа, брошенная въ рѣку, доплываетъ къ нимъ въ навьскій великдень = зеленый четверг²⁾; но ее не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ ее предварительно, не то русалки будутъ въ нихъ плавать³⁾). Еще новое отождествленіе: навокъ и русалокъ, о которыхъ говорятъ, что они разводять на могилахъ синіе огоньки⁴⁾, которыхъ призываютъ на русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удавленниковъ и разби-
вая на ихъ могилахъ красныя яйца:

Русалка-царьца.
Красная дѣвица!
Не загуби, душака,
Не дай удавница,
А мы тебѣ кланяемся!

Часть поминальныхъ блиновъ оставляется на могилахъ въ жертву русалкѣ. Кто на русальской недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому мстятъ русалки. При отправленіи проводовъ русалокъ, женщины произносятъ похоропныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, какъ бы къ могиламъ⁵⁾).

Анализъ русскихъ суевѣрій⁶⁾ приводитъ къ заключенію, что весеннія русалии, главнымъ образомъ, поминальный обрядъ; русалки = шапес, покойники, „земляночки“, какъ въ пѣснѣ на Троицкой недѣлѣ:

¹⁾ См. мою статью: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии. II, стр. 41.

²⁾ *Аванасьева*, I. с., I, 578.

³⁾ Л. с., III, 242.

⁴⁾ Л. с., III, 197, 243.

⁵⁾ Л. с., III, 243—244.

⁶⁾ Кроме *Аванасьева*, I. с. (см. указатель а. в. Русалка, Русалии и т. д.), см. еще: *Калинскій*, Церковный мѣсяцесловъ на Руск, р. 469 слѣд.; *Петрушевскій*, Общерусскій дневникъ, июнь, съ 5-го по 10-е июня, стр. 51 и слѣд.; *Чубинскій*, Труды и т. д., т. III: Народный дневникъ, стр. 185 (зелені святки); *Карцаеловъ*, Нам. нар. быта болгаръ (съ 5-го июня), стр. 228 слѣд.

Русалочки, земляночки,
 На дубъ гъвали, кору грызли,
 Звалилися, забилися ').

Покойниковъ хоронили въ языческую пору на горахъ, въ лѣсахъ, на распустьяхъ, спускали въ воду²⁾; оттого галицкія мавви = русалки представляются живущими на горныхъ вершинахъ, какъ наши русалки любятъ качаться на вѣтвяхъ дерева³⁾. Ихъ преобладающій инѣ водный характеръ принадлежитъ, по всей вѣроятности, позднѣйшему обособленію; горныя русалки, напримѣръ, должны были исчезнуть въ мѣстности, гдѣ горы были рѣдкостью.

Такъ и старо-сѣверныя *Dísir* были первоначально, по инѣ Вигфиссопа, женскими родовыми тапез, которымъ зимою приносили жертву (*Disablot*), моли ихъ объ урожаѣ; какъ древнія матери рода, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и „рожаницы“ — къ нимъ зывали при родахъ — и наречницы: у каждаго человѣка есть своя *dis*, сопровождающая его въ теченіе всей жизни. Впослѣдствіи это понятіе обобщилось, и *dis*, какъ и *núrra*, стало обозначать демоническое существо женскаго рода безъ всякаго отношенія къ культу предковъ.

I.

До сихъ поръ празднованіе русалій встрѣчалось намъ довольно постоянно приуроченнымъ къ Троицину и Духову дню; если у словинцевъ ихъ названіе было распространено на май мѣсяцъ, то подобное же обособленіе, по совмѣстности, можно было бы признать и въ показаніи Стоглава: о русаліяхъ „о іоанновѣ днѣ“⁴⁾. Но какъ объяснить себѣ, что тотъ же памятникъ говоритъ о русаліяхъ, совершаемыхъ о „павечери рожества Христова и боготавленія“, то-есть, въ началѣ и концѣ двѣнадцатидневнаго святочнаго цикла? До сихъ поръ это показаніе стояло совершенно одиноко, если не принять въ расчетъ Заповѣдь св. Отець (Тихонравовъ, Памятники, II, 302), гдѣ русалы могутъ быть поняты, какъ отождествленія съ колядой и празднованіемъ индикта („нелѣпо коледовати, ни роусалы играти, ні индикъ чести ни празновати в нѣ“). Теперь оно не вызоветъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ въ южной Македоніи обнаружено существованіе

¹⁾ *Домнасьевъ*, I, с., III, 243.

²⁾ *Домнасьевъ*, I, с., р. 124—125.

³⁾ *Котляресскій*, О погребальныхъ обычаяхъ, р. 33, 227; 72 и разнѣм.

⁴⁾ См. моя Размыканія, VII, стр. 204.

чрезвычайно интереснаго обряда, отбываемаго именно о святкахъ и обозначаемаго древнимъ именемъ — русалий¹⁾.

Въ „погани дни“ отъ Рождества до Богоявленія (визант. τὸ Δεκάημερον; нѣм. die Zwölfsten) никто не работаетъ, и собираются „дружини“, подъ именемъ русалий, ходящія отъ села къ селу съ „русальскими играми“ и собирающія деньги и подарки, чаще всего въ пользу какой-нибудь церкви.

Русалийская дружина состоитъ обыкновенно изъ 20—60 парней или мужчинъ или, вѣрнѣе, изъ 10—30 паръ, ибо состоящіе въ одной парѣ не раздѣлимы, представляя какъ бы одно лицо. Каждая дружина, образующая одну „веригу“ или одинъ танецъ (хоръ, лигъ), имѣетъ при себѣ: 1) двѣ пары музыкантовъ (мехтери = тѣпанари и зурнаджин); 2) двѣ пары предводителей; имена первой: Протъ или Балтаджия и Кеседжия; имя перваго предводителя во второй парѣ: Юзбашия; 3) пару Чаушей, идущихъ по сторонамъ танца, одинъ впереди, другой сзади; 4) пару вѣстниковъ-соглядатаевъ = калаузи; 5) двухъ-четырехъ слугъ. Всѣ одѣты въ великденскія платья (дрѣхи), „съ бѣли-тѣ имъ широки кошульки (Арнаудски фустани) отъ горъ, а на грѣди-тѣ си прѣкръстени съ двѣ цървени (алени) шами, нажитени съ всекакви труфила, като пенязни (парични) нанизни и др.“. Балтаджия вооруженъ сѣкирой, всѣ другіе — мечами на-голо. Собранныи въ первый день Рождества у дома церковнаго настоятели, они отправляются на игры, распростившись съ домашними, какъ будто бы шли на войну: игры бывали, въ самомъ дѣлѣ, столь кровопролитныя, что многіе не возвращались домой, погибнувъ въ свалкѣ; ихъ хоронили на мѣстѣ боя. Въ теченіе всѣхъ двѣнадцати дней, пока продолжаются игры, соблюдаются такіа правила:

Никто изъ играющихъ не можетъ говорить съ кѣмъ бы то ни было, даже съ „другаремъ“ (стоящимъ въ той же парѣ), развѣ вечеромъ, на ночлегѣ, да и то немного и тихо; только предводителямъ (Балтаджии и Кеседжии) разрѣшено говорить.

Не позволяется за все это время ни креститься, ни молиться, ни говорить: „здравъ ми си“, либо „на здравье“, „добро утро“, „добъръ вечеръ“, „добрѣ дошълъ“.

Во время игры и пляски всякій обязанъ ступать вслѣдъ предходящаго ему другаря. „Помежду членове-тѣ на дружина-та, кон-то

¹⁾ Руссалии, древнѣе и твердѣе интереснѣе болгарскій обичай запазаетъ и до днесь въ южна Македония. Написалъ и издава *Д. Шанкаревъ*. Пловдивъ, 1884.

макаръ и да се не държатъ рѣка за рѣка, съставятъ обаче единъ танецъ (ликъ), или инакъ, прѣзъ нѣтъ, танецъ, кога-то играють или пѣтувать, никому не е позволено да помине, да се провере, та да разцепи, раздвои хоро-то, освѣнъ на болни, кон-то влизать въ срѣдъ хоро и стоять догдѣ трае една игра, и то съ надѣжда да получаютъ здравье, кое-то се получавало посрѣдствомъ прѣкръстванье-то съ мечовѣ-тѣ по чело-то му; това извршвать тие слѣдъ свършванье-то игра-та". Къ этой подробности присоединимъ и слѣдующія: пока дружина гдѣ-нибудь играетъ, двое чаушей со слугами обходятъ ближніе дома, перекрещивая мечами лицо всякаго встрѣчнаго, а дома въ трехъ мѣстахъ: „на врата-та щомъ влѣзать, на дименикъ-тѣ и на друго нѣкое мѣсто така, що то образувать правиленъ трѣгълпникъ". Также крестить „за здравіе" всѣхъ находящихся въ домѣ, прося подаванія во имя какого-нибудь святаго или церкви, для которыхъ играетъ дружина; подачки собирають и носятъ слуги. „Ако се научать че въ нѣкоя къща имало лехунка жена, Руссалли-тѣ тамо не влегвать. А и такова жена, кога ги види или научи че дохождать, бѣга отъ нихъ, и со крие въ къщи като се сматри нечиста още". Иной хозиниъ приглашають цѣлую дружину къ себѣ на дворъ—поиграть и перекрестить домашнихъ „за здравье", а къ больному ихъ зовуть и въ домъ.

Слѣдуя по пути, не переходить въ бродъ черезъ воду, а скачуть, либо перевозятся черезъ нее; встрѣтивъ на пути похороны, велятъ поставить носилки съ покойникомъ на землю и, перескочивъ черезъ него, позволяютъ нести далѣе.

Если кому-либо изъ дружины пришлось отстать отъ нея за надобностью, то съ нимъ вмѣстѣ идетъ и его другарь, мануціей все время мечемъ надъ головою совершающаго свою нужду (пьющаго и т. п.), какъ бы отгоняя отъ него какую-то опасность. Если птица пролетитъ надъ дружиной, либо надъ нѣкоторыми изъ ея членовъ, всѣ начинаютъ махать мечами, убиваютъ ее и съѣдаютъ на вечеря.

Въ деревняхъ на пути останавливаются въ домахъ попарно, оба предводителя вмѣстѣ, при нихъ и два музыканта-свирица; къ ихъ дому собирается играть и вся дружина. Если дружина зайдетъ въ свое собственное село, то никто не останавливается на ночлегъ у своихъ. Подходя на ночлегъ къ какому-нибудь селенію, напередъ извѣщаютъ поселянъ (черезъ вѣстниковъ = калаузи) о своемъ прибытіи, а тѣ принимаютъ ихъ съ почетомъ, поятъ и кормятъ (Русалин не обѣдаютъ, а завтракають—поручегъ, похапка,—ужинають и вече-

ряютъ); еслибы въ томъ селѣ очутилась уже на ночлегѣ другая дружина, то вновь подходящая минуетъ его и слѣдуетъ далѣе.

Игры. „На всѣюкую утрина, кога-то се готвятъ да излѣзѣтъ по игранье, единъ часъ прѣдѣ зора-та, удрятъ тѣпани-тѣ, за да се разбудятъ и станѣтъ вси-тѣ съставляющи дружина-та членове....“ Слѣдъ единъ часъ, въ глѣбока зора, тѣпани-тѣ удрятъ повторъ“, и дружина собирается къ дому начальника, который дѣлаетъ ей смотръ. Всѣ становятся кругомъ, „тъкмо-нозѣ и, отъ како помине (начальникъ) съ сѣкирата си покрай нозѣ-тѣ на нарѣдени-тѣ си войници съ голѣма бързина и силно, вси-тѣ по гласъ-тѣ неговъ извѣкватъ еднажъ силно и велегласно: „ехе!“ та трѣгватъ, като засвирятъ прѣдходящи-тѣ свирци“. Каждый, кромѣ музыкантовъ, держитъ въ правой рукѣ мечъ на-голо, „исправенъ съ верхъ-тѣ на горѣ и, спрости свирба-та, кога подигать рѣка-та си заедно съ мечъ-тѣ на горѣ, кога пакъ на долу я поснимати“. Встрѣтятъ во время игры „раскрѣстница (крѣстоплѣтъ) или хладенецъ (бунаръ или изворъ) или друга пѣкоя подобна вода или сухо дърво, ветхи гробища или цръква, обикальватъ ги до три пѣти съ хоро (игранье); а на свѣршваніе-то обикалька-та, по примѣръ на Балдаджия-та — начальникъ, членовѣ-тѣ на всякоя двойца първо ще прѣкрѣстатъ единъ съ другъ мечеве-тѣ си, слѣдовательно, като ги опрѣтъ съ верхъ-тѣ въ земля-та, вси-тѣ извѣкватъ единоголасно: „ехе!“ та трѣгватъ. Така правятъ и всекога кога-то свѣршватъ игра-та си на нѣкое мѣсто“. Игры кончаются передъ заходомъ солнца, какъ, съ другой стороны, русалии заботятся, чтобы заходъ солнца не засталъ ихъ внѣ села. Вслѣдъ за вечерей, по звуку тѣпановъ, дружина снова собирается къ дому начальника, послѣ чего играютъ попарно въ какія-нибудь игры, а поселяне „чинятъ сеиръ“. Начальники (первая пара) не играютъ, а когда играетъ пара Юзбаша, всѣ члены дружины, кромѣ Балтаджин и его другаря, стоятъ, пока не кончится игра.

На пути всякая дружина посылаетъ развѣдчиковъ узнать, нѣтъ ли впереди другой, встрѣчной дружины, чтобы съ нею можно было разминуться. Если двѣ дружины встрѣтятся, то ни одна не уступитъ дороги другой, развѣ подъ условіемъ, чтобы слабѣйшая, въ знакъ покорности, прошла подъ скрещенными мечами сильѣйшей. Такъ какъ это считается униженіемъ, то дѣло часто кончалось настоящимъ боемъ; убитыхъ хоронили тутъ же, безъ церковныхъ обрядовъ и отпѣванія. Такъ образовались такъ-называемые „Русальскія гробища“.

На канунѣ Богоявленія („на Неядка или Водокрѣсть“) игры кончаются; дружина возвращается во своеси и прямо въ церковь, гдѣ священникъ читаетъ имъ молитву. „Кой-то отъ Руссалин-тѣ не си пѣлъ молитва, велать и вѣрвать, че полудѣвалъ“. Всѣ входятъ въ церковь, въ „женска-та врата“ или въ „лѣва-та“, съ мечами на-голо, „и застанвать прави и нарѣдени на права линия, както и влѣзвать, на лѣвий-тѣ църковенъ отдѣлъ, сир. отъ кѣдѣ-то минува святий Прѣносъ. Единъ священникъ застанва въ единъ отъ найближни-тѣ до олтарь-тѣ столове, та всѣкому отдѣлно и едно по друго прочитва му по една молитва“, послѣ чего одинъ за другимъ проходятъ въ среднее отдѣленіе церкви, „по край лѣви-тѣ пѣвчески столове“, и далѣе, „до пангарь-тѣ, до западний зидъ на цръква-та, а отъ тамъ заобикольвать и до Архирейский столъ, вѣдѣ-то вече се запирашь“. Когда молитва прочтена надо всѣми, священникъ „застанва на Архирейский столъ, държащъ въ лѣва-та си рѣка честний крѣсть, а въ десна-та—наквасена съ освятена вода киска босилькова“. Всѣ подходятъ къ столу, не снимая шапки и не крестясь, цѣлуютъ крѣсть и руку; онъ кропитъ ихъ лицо и мечи, которые они опускаютъ долу; послѣ того они „заминувать задъ дѣсни-тѣ пѣвчески столове въ дѣсно-то църковно отдѣленіе, та достигвать дори до дѣсна-та църковна врата. Тамо тога вече, възъ отъ цръква-та, до врата-та, всѣкой остава меча си, кои-то послѣ събирать ги на бreme (деметъ, снопъ)“. Затѣмъ возвращаются въ церковь уже съ непокрытыми головами, съ свѣчами въ рукѣ, крестятся и прикладываются къ иконамъ. Выйдя изъ църкви, просятъ прощенія другъ друга и всякому (кромѣ другарей) на пути цѣлуютъ руку. Въ деревнѣ обходятъ съ пощениемъ домъ за домомъ. Въ семьѣ ихъ встрѣчаютъ радостно; платье, въ которомъ они совершали обходъ, снимается и моется вѣдъ дома. Утромъ, въ день Богоявленія, колятъ овна, и всѣ домашніе ѣдятъ его вмѣстѣ и веселятся.

Генварскія русалин, сохранившіяся въ Македоніи, бросаютъ яркій свѣтъ на значеніе одноименныхъ обрядовыхъ игрищъ, извѣстныхъ въ другомъ, весеннемъ приуроченіи.

1) Русалин—„русалики“ (Номоканонъ Миклошича; русалка=семикъ) запрещались церковью, какъ языческія. Нигдѣ эта языческая окраска не выступаетъ такъ ярко и знаменательно, какъ въ Македоніи: русалин за все время игры не молятся и не крестятся, входятъ въ церковь, не снимая шапки и т. п. Русалиями въ македонскомъ, русалиютами въ эпирскомъ обрядѣ зовутся участники, испол-

нителі игры, тамъ и здѣсь — ряженіе: это одно изъ необходимыхъ условій; я сопоставляю съ ними, изъ русской обрядности, чучело „русалки“ въ проводахъ весны.

2) Общимъ признакомъ является драматическій характеръ игры, откуда отвлеченное пониманіе русалій, какъ языческихъ игръ вообще, въ сопоставленіи съ скоморохами, гуслими и т. п. Такъ, въ нашей начальной лѣтописи (подъ 1067 годомъ): „дыяволъ лѣстити и друугыми нравы, всыачьскыи лѣстыи прѣваблгана ны отъ бога, троубами и скомрахи, гоусльми и роусальи. видимъ бо игрища оутлачена и людей много множество, яко оупихати начьноуть друугъ друуга, позоры дѣюще отъ бѣса оумышленого дѣла, а церкѣви стоять* 1). То же въ поученіи, приписанномъ въ одномъ сборникѣ Θεодосію Печерскому и, вѣроятно, заимствованномъ изъ Златоустра (Слово о ведрѣ и о казньхъ бжїихъ), тогда какъ въ другомъ поученіи Златоустра (еже не прешбидѣти цркви бжїа и свѣхъ тайнъ) скомрахи и русаліи („о скомрасѣхъ и ѡ русаліихъ“) передаютъ греческое ἐν μὲν ἰκποδρομίας. Сл. у Кирилла Туровскаго: „бѣсовскыи пѣсни, пласанье, боубны, сопѣли, гусли, пискове, играныя неподобныя, роусальи“ (Вуслаевъ, Историческая христоматія, 504); въ Толкованіи къ апостолу Павлу, XIII вѣка: „егда играютъ роусаліи ли скомороси ли шланциѣ ключють, или како сборнице идольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ пребуди дома; въ“ Въироненіи апостольскомъ о мукахъ и о грѣсѣхъ и о покаяніи и обрѣтєніи милости господиа: „игры, глаголемыя куклы, и скоморохи и русалією плашущая и вса игрища бѣсовскаа“; въ Словѣ св. Нифонта о русаліяхъ: „остати всѣмъ игръ бѣсовскихъ и ѿ лѣсти дѣявола, наипаче (и)же свога имѣнье дають бѣсу лукавому, иже суть русалыи; а ниже скоморохомъ“; въ позднѣйшихъ пересказахъ житія св. Нифонта: „умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣси, пребрани въ челоуѣки, и идяше въ сборѣ велицѣ унестрєнѣ въ градъ, оубіяху въ бубны, друзи въ козици и въ сопѣли сопяку; ини же, возложьше на я скураты, дѣяху на глумленіе челоуѣкомъ“... и нарекоша игры тѣ русаліи“; въ Заповѣди стѣхъ ѿцѣ коиновѣдающимса своѣмъ ѿ дщережъ (Тихонравовъ, Памятники, II, 302): „и бѣло по коледовати ни роусальи играти, ни индикѣ чєстї ни празновати

1) Miklovich, Die Rusalien, p. 5—7; Разысканія, УД, 204—207, 189, гдѣ ссылаи на памятники.

в нѣ"; въ Азбуковникѣ: „роусалиа = игры скоморшескія“. Сл. выраженіе одной рукописи XVII вѣка (Miklosich, Die Rusalten, p. 5): въ роусалиахъ ходили. Напомнимъ, наконецъ, увѣщанія Стоглава (глава 41, вопросъ XXIV): „роусалиа о Іоанновѣ дѣни и навечерини рождства Христова и Богоявленнѣ сходѣть съ моужие и жены и дѣвнцы на пощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бесовскіе пѣсни и на плясаніе и на скаканіе и на богомерскіе дѣла“.

3) Парный принципъ македонскихъ русалий я не умѣю объяснить; тѣмъ болѣе интереса возбуждаетъ кажущійся, сравнительно, случайнымъ эпизодъ обряда — о враждебной встрѣчѣ двухъ русальскихъ дружинъ. Эпирскія русалиа, по описанію Аравантипа, состояли главнымъ образомъ въ военной игрѣ, въ которой сражаются другъ съ другомъ двѣ группы ряженыхъ русалиотовъ. Въ русскихъ проводахъ русалокъ играющіе также раздѣляются на двѣ, враждующія другъ съ другомъ, толпы; парность хоровъ замѣчается и въ описаніи албано-италианскихъ gusulet, и въ томъ моментѣ болгарскихъ русалий (у Качановскаго), что дѣвушки, ходящія по домамъ, чередуются въ пѣніи.

4) Значеніе зимнихъ и весеннихъ русалий взаимно осгѣщается, какъ осенія празднества Діонису досказываются весенними. Если въ центрѣ майскихъ русалий стоитъ культъ мертвыхъ, тризны на кладбищахъ, то нѣчто подобное могло лежать и въ основѣ январскихъ обрядовъ, только въ другомъ освѣщеніи — какъ Діониса представляли себѣ то замирающимъ узникомъ зимы, то оживающимъ, обновляющимся весной вмѣстѣ съ природой. Среди обрядности январскихъ русалий, несомнѣнно люстрального характера, есть черты, указывающія на идеи, присушія и весеннему празднеству: встрѣтивъ покойника, русалиа пересказываютъ черезъ носилки, на которыхъ онъ положенъ; встрѣтивъ на пути церковь или кладбище сухое дерево или колодезь или распутіе (мѣста погребеній?), обходятъ ихъ съ обычными очистительными церемоніями, скрепявая мечи и т. п. Легко предположить, что такъ-называемыя „Русальскія гробница“ назвались такъ не отъ обычая погребать на мѣстѣ боя павшихъ русалиевъ, а въ томъ, болѣе древнемъ смыслѣ, по которому и весеннія русалиа совершались въ Россіи на кладбищахъ и скудельницахъ. Въ этой связи я склоненъ понять и обязательное молчаніе русалиевъ: они не-здѣшніе, они — лагуае въ окруженіи Діониса. Если наши русалики зададутъ загадки, увлекаая съ собою того, кто не сумѣлъ ихъ разгадать, то это лишь другое выраженіе обѣта молчанія. Повойники безмолвствуютъ, ихъ рѣчь намъ — загадка.

II.

Въ русаліяхъ, названіе которыхъ достаточно было разъяснено Миклошичемъ и Томашкомъ, сохранились отголоски еракійско-македонскаго народно-классическаго культа, противъ котораго церковь нерѣдко поднимала свой голосъ, и который тѣмъ не менѣе не только удержался при ней, но и распространился по ея слѣдамъ, какъ элементъ народно-церковнаго обряда. Какъ древнія Врумаліи отложились многими своими чертами въ обрядности каландъ = колядъ¹⁾, такъ удержались, не измѣнивъ имени, и весеннія русаліи, тогда какъ военныя игры генварскихъ русалій объяснять намъ, быть можетъ, значеніе „готской игры“ византийскаго придворнаго церемоніала.

Константинъ Порфирородный²⁾ такъ описываетъ ее:

Τῆ ἐνάτῃ ἡμέρᾳ τῆς Δωδεκαημέρου³⁾, τῶν δεσποτῶν ἐπὶ τοῦ δείπνου καθεζομένων, ὃ καὶ Τρωγητικὸν προσαγορεύεται, ἐν ταῖς δυσὶν εἰσόδοις τοῦ μεγάλου τρικλίνου τῶν ἰθ' Ἀκουσίτων ἴστανται οἱ μέλλοντες παῖται τὸ Γοτθικὸν οὕτως· ἐν μὲν τῇ ἀριστερᾷ μέρῃ, ἐν ᾗ καὶ ὁ δρουγγάριος τοῦ πλοήμου παρίσταται, ἴστανται ὁ τοῦ μέρους τῶν Βενέτων μαῖιστρῶν μετὰ καὶ ὀλίγων δημοτῶν καὶ τῶν πανδουριστῶν μετὰ τῶν πανδούρων καὶ ἐπισθεν αὐτοῦ οἱ δύο Ἰότθοι φοροῦντες γούνας ἐξ ἀντιπόρου καὶ πρόσωπα διαφόρων εἰδέων, βαστάζοντες ἐν μὲν τῇ ἀριστερᾷ χειρὶ σκουτάρια, ἐν δὲ τῇ δεξιᾷ βεργία. — Съ правой стороны стоятъ: ὁ δρουγγάριος τῆς βίγλης, ὁ τοῦ μέρους τῶν Πρασίων μαῖιστρῶν, съ пандуристами — и также два Ἰότθα, ряженые какъ и выше. Καὶ δὴ μετὰ τὴν τοῦ σφαιροδρομίου ἔξοδον, τοῦ δεσπότου κελεύοντος τὸν τῆς τραπέζης τούτους εἰσάγεσθαι, εὐθὺς ὀρίζει ὁ τῆς τραπέζης τῷ ἄρχοντι τῆς θυμέλης, καὶ αὐτὸς ἐερχόμενος προτρέπεται τούτους εἰσελθεῖν· οἱ δὲ τρέχοντες καὶ τὰ σκουτάρια ὑπὸ τῶν ὑπ' αὐτῶν βασταζομένων βεργιῶν τύπτοντες καὶ κτύπον ἀποτελοῦντες λέγουσιν· τοῦλ, τοῦλ. καὶ τοῦτο συνεχῶς λέγοντες ἀνέρχονται πλησίον τῆς βασιλικῆς τραπέζης ὡς ἀπὸ ὀλίγου διαστήματος, κᾶχεῖσε μνηγνόμενοι ἀμφοτέροι ποιῶσι κυκλοφερῆ παραταγὴν, οἱ μὲν ἔσω τοῦ κύκλου ἀποκλειόμενοι, οἱ δὲ ἔξωθεν περικυλοῦντες· καὶ τοῦτο τρισῶς ποιῶντες διαχωρίζονται καὶ

¹⁾ См. Разысканія, VII, стр. 99 слѣд.

²⁾ De cerim. aulae Byzantinae, I, 83, ed. Bonn., v. I; см. прим. *Reiske* и *C. Müller*, Ein altgermanisches Weihnachtspiel, genannt das gotische, в *Zeitschrift f. deutsche Philol.*, XIV (1862), стр. 442 слѣд.

³⁾ Въ Разысканіяхъ, VII, стр. 101, 2, слѣдующаго Савѣ, опредѣленъ празднованіе готскихъ игръ 5-мъ января.

ἴστανται εἰς τοὺς ἰδίους τόπους, οἱ μὲν τῶν Βενέτων εἰς τὰ ἀριστερά, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων εἰς τὰ δεξιὰ μετὰ καὶ τῶν ἐτέρων δημοτῶν· καὶ λέγουσιν. ἄμφω τὰ Γότθικὰ, αὐτὰ εἰσι ταῦτα, δηλονότι καὶ τῶν πανδούρων τὸ οἰκῆιον μέλος ἀποκληρούτων.

γαύζας βόνας βηκηδίας, ἄγια, γαυδέντες ἐλκηβόνιδες ἐνκέρτυς, ἄγια. βόνα ᾠρα τούτουβάντες, βόνα ἀμόρε ἐπισκόαντες, ἰδεοαλβάτους, νανά, δέους, δέους. σεακιβα, νανά, δομονογουγγύβελε γοβίλους γυβέλαρες, νανά, γυβίλους γυβέλαρες, νανά· τοῦγεγδεμα δὲ τούλβελε, νικάτω τουλδο, νανά· — ὁ Ἐξεκίας ἐν τοῖς πολέμοις καθοπλισάμενος Ἄσουρίαις, ἀνανά, τὴν ἐλπίδα καὶ μόνην ἔχων Θεοῦ τοῦ φιλανθρώπου, νανά, πάντα ὑπέταξεν ἔθνη καὶ ἀθέων τὴν τυραννίδα, ἄγια· ὁ Σωτήρ, ἀγαθοὶ δεσπότηαι, νανά, πάντα ἐχθρόν σας δουλῶσαι πρὸ τῶν κοδῶν σας· ἴβερ, ἰβερῖσμ τοῦ γεργερερθῶ, νανά, σκαδιασε κερέτουρες·

Послѣ того магистры и демоты венецовъ и празниновъ поютъ, въ честь императора, Алфавитарій, нѣсколько разъ прерываемый, по знаку магистровъ, пляскою готовъ. Вотъ какъ описывается ихъ вторичное выступленіе: καὶ μετὰ ταῦτα λέγοντες οἱ μαίστωρες πρὸς τοὺς Γότθοις· ἀρπακᾶῶ, διὰ νεύματος τῶν αὐτῶν μαίστῶρων κυκλεύουσιν οἱ Γότθοι καὶ ταῖς βέργαις τὰ σκουτάρια τύκτοντες καὶ λέγοντες· τοὐλ, τοὐλ, κερικλείουσιν ἐνδοθεν τοὺς τῶν δύο μερῶν μαίστῶρας καὶ κέλιιν ἀποχωριζόμενοι εἴστανται εἰς τοὺς οἰκείους τόπους... καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ Ἄλφαβηταρίου λέγουσιν (scil. οἱ μαίστῶρες)· Πολυχρόνιον ποιήσει ὁ Θεὸς τὴν ἁγίαν βασιλείαν σας· Οἱ δὲ Γότθοι τύκτοντες μετὰ τῶν βεργίων τὰ σκουτάρια καὶ λέγοντες συνεχῶς· τοὐλ, τοὐλ, τρέχοντες ἐξέρχονται, οἱ μὲν τῶν Βενέτων ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ·

Готским игра исполнились, стало быть, въ присутствіи императора на свѣткахъ, праздниами и венецами, при чемъ на каждой сторонѣ было по два человѣка; ряженыхъ готами; всѣ видѣтъ пѣли τὰ Γότθικὰ, при чемъ τὸ οἰκῆιον μέλος, очевидно, относится не къ готамъ, какъ думаетъ Миллеръ (I. c., 449), а къ пандуристамъ, его исполнившимъ; сл. переводъ Рейске: *carmina sic dicta Gothica, panduris interim modulo suo accipientibus*. Что касается текста этой пѣсни, то за вычетомъ греческой вставки и нѣкоторыхъ непонятныхъ, вслѣдствіе испорченности, словъ, ея лексическій составъ—звувѣченныи латинскій. Передалъ ея начало по восстановленіи Миллера (I. c., 454) в Сафи 1):

Миллеръ:

Gaudeas bonas vicinias! Hagial
 Gaudete seclī boni dies in certis! Hagial
 Bona hora tutubantes!
 Bona amore inspicientes!
 Inde salvatus, Nana, deus, deus! и т. д.

Саеа:

Gaudeas bonas vicinias! Hagial
 Gaudentes elocti venientes in certant! Hagial
 Bona hora tibiantos!
 Bona amore ἐπι scientes!
 Idem salvatus и т. д.

И далѣе объясненія расходятся: Саеа видитъ въ τοὺλ (пригѣвъ, сопровождающій игру) и въ τοὺλβελε, τοὺλδο пѣсни = виз. τοὺλδον (ἀποσκευή, багажъ войска), которое переводить ὁ στρατός; въ ἴβερ, ἴβεριεμ = impugium. Миллеръ усматриваетъ въ Iber — англос. eofor, сѣв. iofur, althochd. ebug = арег, и, послѣдовательно, Фрейра, у котораго былъ кабанъ съ золотой щетиной (р. 458—459); Tul напоминаетъ ему германское названіе для святочнаго цикла: Jul, и онъ не прочь увидѣть въ немъ — Водяна, какъ въ Nana — Terra Mater, сѣверную Фриггу (р. 456—458). Не касаясь Tul'a и Iber'a, замѣчу, что если ихъ гипезалогія также сомнительна, какъ божественность Nana'и, то германскому Олимпу нечего ждать отъ нихъ обогащенія. Ибо νανά — не богиня, а терминъ византийской музыкальной техники. См. Саеу, I. с. стр. 149 слѣд.: то, что греки называли гармоніями, латинская церковь тонами, тому у византийцевъ отвѣчали ἤχοι. ἔκειδὴ δὲ οἱ ἤχοι οὗτοι εἶναι ὄκτω, τὴν βάσιν τῆς ἐλληνικῆς λειτουργίας ἀποτελεῖ βιβλίον τι Ὀκτώηχος ἀποκαλούμενον, διότι τὰ ἐν αὐτῷ ἄσματα ἀνταποκρίνονται πρὸς τοὺς ἤχους τούτους ἢ ἁρμονίας τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Οὗτω διηρημένη ἡ Ὀκτώηχος περιέχει κανόνας, τροπάρια καὶ ἄλλους ἐκκλησιαστικούς ὕμνους τονισμένους κατὰ τὴν ἰδιάζουσαν μελωδίαν τῆς ἁρμονικῆς ταύτης κλίμακος... Πρὸς διάκρισιν μιᾶς ἐκάστης τῶν ὀκτῶ τούτων ἁρμονιῶν οἱ μαῖστορας μετεχειρίζοντο τὰς συνθηματικὰς ταύτας λέξεις: „Ανανές, Νεανές, Νανά, Ἄγια, Ἄανές, Νεανεαχές, Ἄνεανές, Νεαγιέ „...Ἄι ἄνω μοστηριῶδες λέξεις ἐξεικονίζονται ἐν μὲν τοῖς μουσικοῖς βιβλίοις διὰ συμβολικῶν χαρακτήρων, ἐν τῇ ἐκτελέσει ὁμοῦ τοῦ ἄσματος ἢ διευθόνων τὴν βοζαντινὴν ὄρχηστρὰν ἐδήλου τὴν ἀλλαγὴν τοῦ τόνου εἴτε προφέρων αὐτὴν τὴν δηλοῦσαν τὴν μελωδικὴν παραλλαγὴν λέξιν, ἢ συνηθέστερον πρὸς ἀποφυγὴν χασμφδίας δηλῶν τοῦτο διὰ χαρακτηριστικῆς χειρο-

νομίας ἢ τοῦ λεγομένου νεύματος... Ἐὐν τῷ χρόνῳ αἱ ὀκτὼ αὐταὶ ἀρμονία ὑπεδιπρέθησαν εἰς μέγαν ἀριθμὸν διαμέσων ἀπληρημάτων, ἡχεδίων ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἐν τῇ ἑκατονταετηρίδι καλούμενων—Константинь Порфирородный цитуетъ вхадіа: *Νανά, Ἀνανά, Ἀνανάια* и т. д. (I. с., стр. 152, прим. 2, и стр. 171).

Такимъ образомъ, въ пѣснѣ, сопровождавшей такъ-называемую готскую игру, ничто не заявило себя намъ какъ специально—готское или германское (см. Müller, I. с., p. 444—448). О готскомъ владычествѣ на Балканскомъ полуостровѣ давно забыли, и его продолжительность (около 180 лѣтъ) едва ли объяснило бы намъ забвеніе мѣстной, военной игры на святочныхъ русалияхъ—ради какого-нибудь германскаго Schwerttanz'a. Болѣе могли помнить готскую стражу Византийскихъ императоровъ и, отбывая обрядовую священную пляску при дворѣ—нарядиться именно готами, какъ русалиоты въ Паргѣ одѣваются турками. Оттуда и названіе „готской“ игры, подъ которымъ могли сохраниться на самомъ дѣлѣ слѣды январскихъ „русалий“, по времени совпадавшихъ съ календами и слывшихся съ ними врумяніями. Въ книгѣ св. Стефана Никомидійскаго говорится о Константинѣ Копронимѣ, что онъ Βρομαλίον ἦτοι ἐορτὴν σαυονιώδη ἐπέτελει, Διονύσιον καὶ Βρομίον εὐφημῶν εἰς τὴν αὐτὴν τελετὴν ὡς τῶν σκερμάτων καὶ τοῦ οἴνου γενοσιουργός¹⁾. Замѣтимъ, что готскія игры назывались и τροχητικόν (δαικνον), что я перевелъ жатвеннымъ пиромъ²⁾, у Reiske: vindemiales (Müller, I. с., 443: Traubenmahl). Это, въ основѣ, осенній праздникъ Діониса, — какъ выше мы приравняли зимнія и весепнія русалия — къ осеннимъ и весеннимъ Діонисіямъ.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ *Tomaschek*, I. с., p. 322—326.

²⁾ *Рамсгамилъ*, VII, 101.